

Бай Вэньханю, разумеется, было невдомёк, какая горечь отравляла душу Гао Фэна. Поделившись тревогами о состоянии Хан Сиэня и Цзи Ло, он без лишних слов повёл заместителя командующего и лекаря Чжоу к раненым.

Старый лекарь Чжоу из-за преклонных лет и дальней дороги выглядел измождённым, однако в вопросах врачевания государь доверял ему больше, чем кому-либо. Едва прослышав о дерзком покушении и множестве раненых, император тут же отправил ему в помощь молодого лекаря Вана из Приказа императорской медицины. И всё же заботу о Хан Сиэне и Цзи Ло старик Чжоу не доверил бы никому — здесь требовался его собственный, верный глаз.

Оказавшись в усадьбе, лекари разошлись каждый к своим подопечным.

Лекарь Чжоу и Гао Фэн вслед за Бай Вэньханем вошли в комнату, где лежали пострадавшие. Цзи Ло лежал ничком; его взгляд, затуманенный слабостью, прояснился, едва на пороге показался старый придворный лекарь.

Поставив тяжёлый сундучок с притираниями, Чжоу первым делом шагнул к ложу третьего принца. Тот слабо качнул головой:

— Я потерплю. Осмотрите сначала наследника Ханя.

Старик на миг замер, но тут же возразил:

— Позвольте старому слуге сначала помочь вашему высочеству.

Не давая принцу спорить, он принялся за осмотр раны.

Рану на ноге принца наспех обработал сам Бай Вэньхань, но в полевых условиях ему пришлось обойтись лишь пригоршней копеечной кровоостанавливающей травы да грубой повязкой. Лекарь Чжоу тщательно промыл порез горячей водой и, убедившись, что кровь идёт чистая, без гнили, достал золотые иглы. Прокалив их над пламенем свечи, он принялся стягивать края раны швами. Цзи Ло лишь крепко зажмурился; лицо его покрылось крупными каплями холодного пота, но он не издал ни звука.

Закончив перевязку, Чжоу облегчённо вздохнул и обратился к принцу:

— Кость цела, ваше высочество. Но крови вы потеряли изрядно. В ближайшие две ночи берегитесь лихорадки и простуды, а после вам понадобится долгий покой.

Цзи Ло согласно прикрыл веки — Бай Вэньхань говорил ему то же самое. Убедившись, что не останется калекой, он наконец вздохнул свободнее.

Ополоснув руки, старик Чжоу вновь взял сундучок и подошёл к постели Хан Сиэня. Юноша лежал в глубоком беспамятстве. В забытии он казался пугающе тихим: дышал едва приметно, вытянувшись на постели, бледные губы были плотно сжаты, а лицо отливало восковой желтизной. Казалось, перед ними лежит мертвец.

Поначалу Бай Шу опасался, что раненый станет метаться в бреду и растревожит плечо, но Хан Сиэнь лежал смирно. Если бы не пылающий лоб, можно было подумать, будто юноша просто крепко спит, а не балансирует на грани жизни и смерти.

Но стоило лекарю прикоснуться к повязке на его плече, как Хан Сиэнь резко распахнул глаза. Он уставился на старика неподвижным, пронизывающим взглядом — чёрные, как бездна, зрачки не отражали ни блика свечей.

Наблюдавшему за этим Бай Шу показалось, что сейчас в Хан Сиэне угасли последние капли жизни — он словно застыл в безмолвном ожидании неизбежного конца. Грудь защемило от жалости; шагнув ближе, он крепко сжал холодную ладонь юноши.

Раненого словно отпустило: его тяжёлый взгляд медленно переместился с лекаря на Бай Шу. Затем Хан Сиэнь вновь смежил веки и едва слышно, пересохшими губами прошепел несколько слов. Лекарь Чжоу не разобрал ни звука, но за долгие годы службы привык к бессвязному бреду умирающих, а потому хладнокровно продолжил очищать рану на плече.

За всё время экзекуции Хан Сиэнь лишь вздрагивал всем телом, когда боль становилась невыносимой, но, несмотря на катившийся градом пот, из его горла не вырвалось ни единого стона.

Управившись с делом, лекарь набросал на бумаге два рецепта и передал их Бай Вэньханю на сохранение, а сам поспешил к весам и котлам, чтобы собственноручно приготовить отвары.

Бай Вэньхань послушно спрятал листки. Он знал повадки придворных лекарей: те всегда старались обезопасить себя и оставить письменное свидетельство назначений на случай непредвиденного исхода. Окинув взглядом измученных раненых, генерал сначала порывался отдать рецепты им, но, рассудив, что сейчас толку от этого мало, оставил бумаги у себя — решив вернуть их, когда оба придут в сознание.

За окном давно сгустился мрак. Раненым требовался покой, а поскольку при третьем принце безотлучно находилась стража и лекари, задерживаться здесь дольше не имело смысла. Бай Вэньхань мысленно подбирал вежливые слова для прощания и знаками манил к себе младшего брата, призывая уйти вместе с ним.

Однако тот словно окаменел, не отрывая взгляда от спящего Хан Сиэня. Округлое, обычно улыбчивое и добродушное лицо Бай Шу сейчас застыло в глубоком смятении.

Откашлявшись, Бай Вэньхань подошёл вплотную и тихо спросил:

— Что с тобой?

Бай Шу вздрогнул, поспешно отвёл глаза и покачал головой:

— Ничего, брат. — И, предвосхищая расспросы, торопливо добавил: — У меня сил побольше, я останусь на ночь. Посторожу Хан Сиэня... и третьего принца.

Он собирался упомянуть одного лишь наследника Ханя, но, заметив, как грозно сощурился старший брат, поспешил добавить и его высочество.

Бай Вэньхань лишь криво усмехнулся, но не успел он вставить и слова, как со своего ложа глухо отозвался Цзи Ло:

— В таком случае... премного благодарен вам, молодой господин Бай.

— Ну, раз сам вызвался, так тому и быть, — холодно процедил Бай Вэньхань. — Только вели лекарям перевязать твою ладонь как следует. Если без руки останешься — дураком помрёшь, и жалеть тебя никто не станет.

Бай Шу послушно закивал.

Сбросив напускную суровость, Бай Вэньхань почтительно склонился перед третьим принцем:

— Время позднее, ваше высочество. Позвольте мне распорядиться насчёт ужина.

Цзи Ло едва заметно кивнул.

Когда за братом закрылась дверь, Бай Шу присел на край постели Хан Сиэня и бережно поправил одеяло. Коснувшись его ледяных пальцев, он на мгновение заколебался, но всё же крепко сжал ладонь юноши в своих тёплых руках.

Давеча лекарь Чжоу не придавал значения бреду раненого, но Бай Шу, сидевший совсем рядом, расслышал каждое слово. Хан Сиэнь прошептал тогда:

"Юнь Чжоу... я всё ещё жив"

В его слабом голосе сквозило такое беспросветное уныние, такая глухая, леденящая душу безнадежность, что у Бай Шу сжалось сердце.

Он понятия не имел, кто такой этот Юнь Чжоу, но понимал: этот человек значил для Хан Сиэня слишком много. Скорее всего, именно из-за него юноша сейчас угасал на глазах. То, как

Хан Сиэнь произнёс это имя, выдавало полное нежелание цепляться за жизнь. Он словно просто плыл по течению, безучастно ожидая своего смертного часа.

От этих мыслей в груди разлилась тяжёлая, давящая тоска. Бай Шу отчаянно хотелось растормошить Хан Сиэня, расспросить, какая неизбывная боль терзает его душу, но тот лежал без движения, скованный глубоким сном. Все вопросы так и остались невысказанными.

Вскоре слуги принесли ужин: жидкую рисовую кашу и пресные лепёшки, только что снятые с очага и ещё исходившие паром.

Цзи Ло, терзаемый мрачными думами, не испытывал голода, но, понимая, что для восстановления нужны силы, пересилил тошноту — съел одну лепёшку и осушил пиалу каши.

Бай Шу к еде даже не прикоснулся. Он не сводил глаз с Хан Сиэня, втайне надеясь, что тот снова заговорит в бреду и откроет свою тайну.

Но ожидания оказались тщетными. Даже когда лекарь Чжоу принёс горькое снадобье и спящему помогли его выпить, Хан Сиэнь не проронил ни звука.

Поздно вечером Бай Вэньхань заглянул в комнату ещё раз. Убедившись, что раненные устроены и угроз их жизни нет, он ушёл к остальным защитникам усадьбы, чтобы провести остаток ночи на узких лавках в боковом пристрое.

Ночью у Хан Сиэня вновь разыгрался жар. Бай Шу так и не сомкнул глаз: он то и дело ощупывал горячий лоб юноши, меняя остывавшие влажные повязки. За окнами ревела гроза, хлестал безжалостный ливень, и под этот нескончаемый шум воды мало кому в усадьбе удалось забыться сном.

Лишь к рассвету гроза поутихла, сменившись унылой моросью, а кожа Хан Сиэня наконец стала прохладной.

Старый лекарь Чжоу долго прослушивал его пульс, после чего вынес вердикт:

— Жар отступил, но это место мало подходит для выхаживания столь тяжёлых больных. Нужно как можно скорее везти наследника в столицу.

Бай Вэньхань с сомнением поглядел в окно. Серое небо по-прежнему сеяло унылую изморось, просёлочные дороги наверняка развезло от грязи, а везти предстояло целый обоз израненных людей.

Одно радовало: под началом Гао Фэна прибыл внушительный отряд гвардейцев, так что за безопасность в пути можно было не опасаться — новые покушения им теперь не грозили. Сам Бай Вэньхань не имел права отдавать подобные приказы, а потому вопросительно посмотрел на

третьего принца. Цзи Ло принял решение без колебаний:

— Дождь почти утих. В столице нам скорее окажут должную помощь, незачем здесь засиживаться.

Спорить с волей императорского сына никто не посмел. Гао Фэн тут же распорядился сворачивать лагерь. Помимо паланкина лекаря Чжоу, гвардейцы пригнали с собой две просторные крытые повозки.

Раненой челяди принца велели оставаться в усадьбе до поправки; для их защиты и присмотра Гао Фэн выделил полсотни надёжных гвардейцев. Пленённых убийц крепко связали кожаными ремнями, оружие погрузили в телегу, и вскоре внушительный отряд двинулся в обратный путь к столице.

Дорожная тряска вернула Хан Сиэню сознание. От мерного покачивания повозки его и без того тяжёлая голова раскалывалась. Помассировав виски, он приподнялся на локтях и холодно, с привычным высокомерным безразличием взглянул на сидевшего подле него Бай Шу. На язык того просилась добрая сотня вопросов, но, удержавшись, он лишь негромко спросил:

— Как ты?

Хан Сиэнь осторожно повёл здоровым плечом и безучастно обронил:

— Терпимо.

От этого движения свежая повязка тут же пропиталась багровым пятном. Юноша даже бровью не повёл — резкая боль лишь служила ему доказательством, что его земное существование продолжается.

Бай Шу недовольно нахмурился, но, глядя на его измождённое лицо, смолчал. Он достал припасённую пресную лепёшку и протянул раненому:

— До города ещё далеко, поешь немного.

Хан Сиэнь протянул уцелевшую руку, молча принял угощение и принялся неторопливо жевать. Еда немного уняла ноющую пустоту в желудке. Он медленно съел всё до последней крошки, но так и не обмолвился ни словом о ране самого Бай Шу.

Будь на месте Бай Шу кто-то другой, он наверняка посчитал бы такое поведение верхом чёрствости и неблагодарности. Но молодого инструктора подобные мелочи не заботили — он и думать забыл о собственной рассечённой руке, ломая голову лишь над тем, отчего наследник Хань так тяготится жизнью.

Уловив эти безмолвные терзания в чужих мыслях, Хан Сиэнь помрачнел ещё сильнее. Он откинулся на жёсткую стенку повозки и смежил веки, скрывая от посторонних взоров бушевавшую в душе бурю.

И хотя загородная усадьба находилась не так далеко от столицы, из-за раскисшей дороги обоз тащился долгие часы, прежде чем на горизонте наконец показались величественные очертания городских ворот.

Гао Фэн заранее отправил гонца с докладом в императорский дворец, поэтому у крепостных стен их уже поджидал герцог Хань Чжо в сопровождении придворных евнухов.

Приоткрыв занавеску маскировочного полога, Хан Сиэнь безучастно скользнул по ним взглядом. Заметив это, Бай Шу вновь порывисто сжал его ладонь и взволнованно прошептал:

— Тебе нельзя возвращаться в этот дом! Они спят и видят, как извести тебя, они не остановятся ни перед чем!

Хан Сиэнь сухо высвободил пальцы и глухо усмехнулся:

— Не бойся, теперь они не посмеют. Да и как я могу не вернуться? Кто же тогда преподнесёт дорогому родителю мой скромный ответный дар?

<http://bllate.org/book/20088/2002039>